

Н.Б. Афанасов*

ОБРАЗЫ СОВРЕМЕННОСТИ В XXI в.:
КРАФТОВЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Статья с социально-философских позиций анализирует феномен крафтового капитализма. Автор проводит содержательные разграничения между внешне идентичными формами традиционной ремесленной экономики, крафтовой экономики и, наконец, формами современного крафтового капитализма. Для понимания общего контекста и природы феномена автор помещает рассматриваемый предмет в контекст понятий позднего капитализма, определяемого культурной логикой производства и потребления. Статья показывает, что на примере механизмов функционирования крафтового капитализма можно убедиться в том, что логика медиатизации, присущая цифровому капитализму, способна трансформировать опыты потребления привычных вещей, а также порождать новые формы производства и занятости. Статья проблематизирует феномен крафтового капитализма в контексте запроса на уникальность и усталости от массовых растратированных образов и практик, показывая, что несмотря на возможное критическое отношение к феномену, он может содержать в себе освободительный потенциал для личности.

Ключевые слова: крафтовый капитализм, поздний капитализм, цифровой капитализм, медиатизация, образы современности, социальная философия

Images of modernity in the XXIst century: craft capitalism. NIKOLAI B. AFANASOV (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

The article analyzes the phenomenon of craft capitalism from the point of social philosophy. The author draws a distinction between externally similar forms of traditional artisan economy, craft economy and the forms of contemporary craft capitalism. To better understand the general context and nature of the phenomenon the author addresses the context of late capitalism concepts that is determined by cultural logic of production and consumption. The article shows that the case of craft capitalism proves that the logic of mediatization, inherent to digital capitalism, is able to transform the experience of traditional items consumption and engender new forms of production and employment. The article problematizes the craft capitalism phenomenon in the context of the request for uniqueness and tiredness from mass replicated images and practices, showing that it can be seen as a practice with personal liberating potential.

Keywords: craft capitalism, late capitalism, digital capitalism, mediatization, images of modernity, social philosophy

* АФАНАСОВ Николай Борисович, младший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН.

E-mail: n.afanasov@gmail.com

© Афанасов Н.Б., 2022

Введение

Вопрос о культурной логике актуального капитализма продолжает оставаться важной темой в дискуссиях об особенностях экономического устройства современного общества. Концепция «культурной логики» капитализма вышла на первый план при анализе общества в 1980-е гг. в рамках теории постмодернизма [1]. Вплоть до настоящего времени многие ее положения остаются актуальными при работе с меняющимися формами производства и потребления. Культура всегда учитывалась социальными теоретиками при анализе экономики. Трудовая этика, практики потребления, темпоральной организации труда и даже матричные стратегии значительно различаются от общества к обществу, но имеют одинаково большое значение для ведения хозяйственной деятельности [10, с. 82–84]. В контексте исследований современного капитализма эта традиционная для социальной философии установка уточняется смещением акцента с производства на потребление.

В каком-то смысле сегодня проще говорить о культурной логике капитализма, чем это было раньше. Социальная теория прошлого тяготела к созданию тотальных объясняющих схем, в которых каждое положение концепции должно было логично встраиваться в общую картину. Уже с 1960-х гг. этот модус мышления начинает утрачивать свои позиции [9, с. 126] под натиском множества новых дисциплин и подходов. Последние проще всего поддаются классификации через обращение к термину *studies*. Но это отступление больших теорий и нарративов происходило не настолько быстро и повсеместно, чтобы допустить методологический анархизм. Социальные теоретики, социологи, экономисты старой школы продолжали держаться традиционных представлений. Их трудно в этом обвинить, ведь речь шла не о консерватизме ради консерватизма, но о едином предмете анализа – современном (им) капитализме, который следовало понимать при помощи большой теории.

Сейчас, когда мы произносим слово «капитализм», всегда нужно уточнять, что конкретно мы имеем в виду и о каком капитализме говорим. Фактом актуальной концептуальной рамки социальной теории стала множественность капитализмов: «Проблема заключается не только в том, что некоторые теории могли устареть, и потому появилась потребность в новых, но и

в том, что сам капитализм меняется» [6, с. 6]. Произошла фрагментация феномена и способов мышления о нем. Соответственно, для анализа одних форм капитализма нужно обращаться к культурной логике в постмодернистском смысле, а для других это требуется в меньшей степени или не требуется вовсе. Противоречие становится мнимым, если мы принимаем за данность многообразие форм капитализма. В статье мы обратимся к анализу одного из «новых» видов капитализма – крафтового капитализма. Сначала мы представим контекст возникновения феномена, а после предложим интерпретацию его культурной логики.

Крафтовый капитализм

в контексте гибких режимов накопления

Картография истории актуального капитализма всегда возвращает нас к периоду, начавшемуся после Второй мировой войны. Именно в 1950-е и 1960-е гг. с капитализмом что-то произошло, а социальные и экономические теоретики начали осмыслять его по-новому. Социальный философ Григорий Канарш, анализируя множество подходов, обобщает: «В связи с той же глобализацией (хотя и не только) капитализм на Западе существенным образом изменился, перейдя от стабильных форм, характерных для 1950-х и – 1960-х гг., к более гибким формам, которые позволяют капиталистическим предприятиям более успешно функционировать в условиях возросшей *неопределенности* (курсив мой. – прим. авт.)» [3, с. 39]. Гибкость капитализма пришла на смену эстетике масштаба и стандартизации, в которых видели рациональную максимизацию эффективности – а, значит, и прибыли – капиталисты промышленной эпохи. Не следует полагать, что изменившийся капитализм утратил рациональность. Те парадоксы и видимые противоречия, существование которых ставили и ставят в вину капитализму, куда лучше описываются через различие «рационального» и «разумного» в рамках концепции «иррациональности рационального» американского социолога Джорджа Ритцера [7, с. 356–360, 389].

По всей видимости, «рациональность» – это неотъемлемая сущность капиталистических способов производства, которая лишь возрастает (*всегда* формально, но *иногда* и качественно) в рамках модернизации капиталистических предприятий [2, с. 14–16]. Возникающая культурная логика (массового) потребления

оказывает влияние на старые стратегии производства. Эпоха промышленного капитализма удовлетворяла потребности десятков миллионов людей, которые участвовали в процессах урбанизации, отрывались от своего привычного мира. Перед капитализмом фордистского толка стояла колоссальная задача обновления всего материального жизненного мира людей, еще вчера бывших сельскими жителями, изменение самих стремительно растущих городов, удовлетворение базовых потребностей населения, не совершившего демографического перехода. Военные производства также лучше всего чувствовали себя вне культурной потребительской логики – их сущностью всегда была предельная рационализация технологических процессов и вполне объяснимая эффективность выпускаемых продуктов.

Первые зародыши гибких режимов накопления возникают из экспансии капитализма в формы культурного потребления и проведения досуга: «В современном мире макдональдизация не ограничивается только сетями ресторанов быстрого питания, но распространяется на многие другие сферы социальной жизни. Сюда относятся формы проведения досуга, туризм, высшее образование, шоппинг в торговых центрах и моллах, онлайн-знакомства, развлечения, предлагаемые Диснейлэндом и т.д.» [2, с. 23]. Рациональность капитализма здесь предельно проста, но не лишним будет о ней вспомнить, чтобы впоследствии применить ее для описания рациональности крафтового капитализма. После удовлетворения базовых потребностей товарами приемлемого качества возникает потребность в продолжении производства. Последнее можно представить в качестве необходимости постоянного обновления уже произведенных товаров и через создание новых сфер производства. Пост-фордистскому капитализму удалось блестяще справиться с описанной задачей [16].

Британские социологи Скот Лэш и Джон Урри еще в 1980-х гг. вынесли свой вердикт «организованному капитализму»: капиталистическое производство, организованное при непосредственном участии и контроле государственных администраций, уступило пространственной дисперсии и функциональной фрагментации [20]. Иначе интенсифицировать потребительские практики было нельзя. Именно процессам, которые привели к дезорганизации капитализма, дает обозначение «гибкое

накопление» социальный географ Дэвид Харви [18; 11]. Эвристический потенциал его концепции постмодернизма заключается в том, что Харви в первую очередь отталкивается от экономических и социальных процессов, фиксируемых количественными методами. Социальный теоретик Александр Павлов так формулирует основные тезисы подхода Харви: «1) начиная с 1972 года в экономике и культуре наступили глобальные изменения; 2) эти изменения обусловлены появлением нового опыта переживания времени и пространства; 3) между очередным этапом «пространственно-временного сжатия», культурой постмодерна и гибким накоплением капитала есть определенные (необходимые) отношения, которые по-новому организуют сам капитализм. Эти три тезиса даже сегодня выглядят интригующими» [5, с. 23].

Гибкое накопление можно определить как изобретение новых способов извлечения прибыли ранее недоступными способами. Не следует считать, что крупный капитал, корпорации или государственные структуры исключаются из этого процесса. Культурная логика позднего капитализма, понятая в ключе постмодернистской теории, не означает распада глобального хозяйственного пространства на территории множества мелких субъектов. Речь идет, во-первых, о том, что крупный капитал перенимает тактики и стратегии мелких производителей. Во-вторых, мелкие предприниматели, используя инструментарий предлагаемых развитой производственной и платформенной [8, с. 281–282] базой современного капитализма, удовлетворяют опосредованные культурой потребности экономических агентов-потребителей. Наконец, цифровизация капитализма воплощает в себе смешение логик организации и дезорганизации, укрупнения и уменьшения, централизации и децентрализации, потребления и производства. Последняя тенденция лучше всего передается через понятие просьюмеризм (от англ. produce – производить и consume – потреблять) [24, р. 3].

В контексте крафтового капитализма нас будет интересовать не сторона крупного капитала, хотя без нее сложно обойтись, но рациональная и культурная легитимация стратегий производства-потребления занятых в этом вновь возникшем виде хозяйствования. Крафтовая экономика – это феномен допромышленной эпохи, когда не сумевшие или не пожелавшие встроиться в цепочки промышленного производства люди

занимались промыслами, иначе говоря, изготавливали предметы полукустарным способом. Этими предметами могли быть как те, на которые спрос был ограниченным, так как существовавшее развитие логистической сферы не позволяло наладить централизованное и массовое производство, так и те, которые представляли собой нечто уникальное, что продавалось не в силу своей практической полезности, но из-за культурного содержания (талисманы, детские игрушки, обереги, сувениры и проч.). Как мы видим, в меньшем масштабе сходная с актуальной культурная логика капиталистического потребления всегда была присуща крафтовой экономике.

Фредрик Джеймисон, говоря о тотальности постмодернизма, отмечает, что культурные логики могут существовать эклектично, не упраздняя друг друга [1]. Ровно так же обстоит дело и с капитализмом: самые современные формы организации труда и цифровизация, офисы и коворкинги из стекла и бетона с зонами для расслабления могут легко соседствовать с рабским принуждением к труду в подвалах соседнего здания. Крафтовая экономика продолжает существовать, но нас интересует то, как ее логика гибкого накопления и современные тенденции медиатизации капитализма трансформируют крафтовые практики. «Крафтовый капитализм» – это современная форма капиталистического производства и потребления, результатами которой становится производство товаров и услуг силами креативности одного или нескольких человек. Товары предназначаются не для массовой продажи, но для единичного потребителя; их отличает уникальность, «крафтовость» и специфическая культурная нагруженность. Важной чертой крафтового капитализма является опосредованность процессов производства через медиа. Обо всем этом пойдет речь далее.

Крафтовый капитализм как образ современности

Исходя из перечисленных нами основных черт крафтового капитализма, становится очевидным, что он является одним из трендов в возрастающей фрагментации способов потребления и производства. Однако для того, чтобы вычленил его суть и легитимировать его обозначение «капитализмом», необходимо провести анализ того, почему обозначенные тенденции имеют место, и какая рациональная

культурная и экономическая логика за ними стоит. Крафтовый капитализм, если речь идет о социально-теоретическом осмыслении, также должен быть инкорпорирован в более общий контекст дискуссии о (не)желательных формах ведения хозяйственной деятельности. В этой части статьи мы разграничим крафтовую экономику и крафтовый капитализм в контексте современной экономики, обозначим принципы и логику функционирования последнего на экономическом и культурном уровнях и, наконец, попытаемся картографировать место практик крафтового капитализма в контексте современности.

Принципиальным обстоятельством, которое часто сбивает с толку, становится нетождественность исторической крафтовой экономики и актуального крафтового капитализма. Первая – это историческая форма производства, которая продолжает существовать и даже оставаться основной во многих развивающихся регионах. Она является жизненно-необходимой для традиционных обществ, поддерживая аграрно-культурное или промышленное производство, базовые потребности людей [19]. Крафтовый капитализм – это перформативная стратегия и баланс между массовым и единичным производством, без которого основные потребности хозяйствующих субъектов все равно будут удовлетворены, а производство не остановится. На уровне лингвистической интуиции проще понять крафтовый капитализм через несоответствие обозначения D.I.Y. (от англ. «do it yourself» – «сделай сам») ремесленничеству или кустарному производству. Последние практики – это чаще всего способы выживания в условиях, когда более прибыльной работы просто нет, либо у трудящегося отсутствует должная квалификация (а, возможно, и желание) для строительства карьеры. Эти формы экономической деятельности редко предполагают увеличение количества выпускаемой продукции или расширение производства. В случае, когда это происходит, сама суть практик меняется, они превращают мастерскую в мануфактуру или современное небольшое производство, а собственник принимает на себя роль капиталистического управляющего. Стилизация под «ремесленный (или фермерский) продукт» для потребителя остается, но сама суть производства меняется.

Иначе говоря, несмотря на часто очень примитивные товары, которые производятся в пара-

дигме D.I.Y., – к примеру, сваренные из металлического профиля конструкции из труб разного назначения, дизайнерские пряники, алкоголь, вязаные шапки и варежки, игрушки для домашних питомцев и проч. – без них можно прекрасно обойтись. Экономическая сторона крафтового капитализма является решающей для производителя, который продает свои изделия и получает прибыль. Жизнь потребителя качественно бы не изменилась в случае замены «крафтовых» товаров на промышленные аналоги. Более того, промышленно-произведенные товары, как правило, выгоднее для потребителя: они более науко – и технологически емкие, возможно, качественные, соответствуют установленным регламентам и, наконец, имеют гарантию. Для потребления же, напротив, смысл крафтового капитализма лежит в плоскости культурной логики современности. Исследования современных крафтовой индустрии и капитализма с позиций социальной, экономической и культурной теории получили мощный импульс в связи с выходом работ австралийской исследовательницы Сьюзан Лакман [22; 23]. Лакман полагает, что точно картографировать все крафтовые сферы и практики фактически невозможно, поэтому их определение должно отталкиваться от целеполагания участников крафтового процесса, который созвучен «...с актуальным потребительским запросом на уникальность и историю в эпоху кажущегося безликим капитализма и массового производства» [22, р. 16].

С точки зрения философии, будет любопытно отметить, что крафтовое производство дополняет и уточняет тренд когнитивизации капитализма [14, р. 17–19]. Под последней мы понимаем не только авторскую концепцию когнитивного капитализма французского социального философа Андре Горца, но общий тренд переноса акцента в анализе капитализма на нематериальную сферу труда и производства. Наиболее интересные подходы и прогнозы второй половины XX в. – многие из них осуществились – предполагали, что именно развитие интеллектуального труда будет выступать локомотивом экономического роста [15]. Так и было, а развернувшаяся стремительная диджитализация повседневности лишь подтвердила самые смелые прогнозы. Нужно заметить, что актуальная дискуссия вокруг нового материализма, экологизма и антропоцена может быть понята как альтернатива устоявшемуся представлению о возрастании абстракции челове-

ского ума (и денег) на все новые сферы: «Если коммунизм должен превзойти капитализм, ему следует превзойти такой антропоцентрический, “надрывающий” модус; в противном случае он оказывается лишь одной из разновидностей логистики, приводящей капитализм в движение» [4, с. 69].

Крафтовый капитализм не исчерпывается материальной стороной производства, но не может без нее существовать. Вопрос о противоположности материального–нематериального в крафтовых практиках весьма сложен и скорее свидетельствует об их слиянии в новой капиталистической логике [17, р. 61]. Взаимное переплетение новых практик ручного производства ставит ряд интересных вопросов. Прежде всего нужно понимать, что ответ на отмеченную тоску по аутентичности и единичности, в сущности, неосуществим в цифровом пространстве в силу простоты тиражирования образов. Обратное впечатление является иллюзией и самообманом. Физический объект, фреймированный нарративом уникальности, отличного от промышленного способа производства куда лучше подходит на эту роль. Но возникает вопрос: как он произведен? Если бы речь шла о ремесленничестве в традиционном смысле, мы могли бы предположить, что знание о способах производства было передано по наследству. Крафтовый капитализм совершенно иной. На уровне возникновения идей по поводу того, как нечто произвести, он подчас является весьма когнитивно емким. Эта сторона может быть проиллюстрирована при помощи двух аспектов: способности к освоению каких-либо уникальных практик и мастерства.

Так или иначе, способность изобрести новый способ производства, который будет иметь ауру уникальности, является весьма когнитивно емким предприятием. Любой, кто сталкивался с необходимостью починить какой-либо бытовой прибор или сделать что-то своими руками, знает, что для безоговорочного успеха дела это предполагает наличие и компетенций, и опыта (мастерства). В случае с крафтовой экономикой обе эти когнитивные стороны должны быть доведены до совершенства, чтобы качество получаемого товара соответствовало ожиданию потребителей. В конце концов покупатели не только хотят приобрести к уникальности и аутентичности, выйти на некоторое время из потока промышленно-сгенерированных впечатлений, но и остаться целыми и невредимы-

ми после употребления, к примеру, крафтового алкоголя, производство которого относят к репрезентативным практикам исследователи [12, р. 49]. Также было бы неплохо получить продукт с приемлемым вкусом или, говоря абстрактно, с адекватными цене потребительскими характеристиками. Современная крафтовая экономика, впрочем, не ограничивается исключительно простыми товарами, которые замещают промышленные. В ее структуру органически вписываются и абсолютно уникальные вещи, никогда не имевшие аналогов в промышленном или даже исторически-существовавшем производстве. В качестве интересного примера можно привести реплики цифровых объектов, которые современные мастера («крафтеры») воспроизводят.

Именно производство подобных товаров позволяет говорить о «капитализме» в контексте крафтовой экономики через актуализацию его культурной логики. Поясним, что мы имеем в виду. Если замещение ранее существовавших и удовлетворяемых индустрией потребностей может называться современной крафтовой экономикой, практиками выживания, в которых культурная логика формирует потребительский, но не производственный запрос, то ряд производств куда больше становится практикой самого производящего, вписанного в общий контекст цифрового капитализма. Речь идет о том, что капиталоемкость труда по созданию в собственной мастерской копии, к примеру, автомобиля, несравнимо выше покупки вязальных спиц и пряжи. В рамках представления о самодостаточной экономической деятельности этот феномен возможен лишь в рамках финансирования посредством продажи культурного образа. Чаще всего процесс производства и представление его результатов становятся товаром через цифровую дистрибуцию на платформенных сервисах. Продолжение крафтовой деятельности определяется возможностью окупаемости проекта, а производитель вынужден конкурировать со всем миром в соответствии с моделью «победитель получает все» [13, р. 174], что вносит свои коррективы в этот экономический проект.

Заключение

Мы обратились к хозяйственному феномену «крафтовой экономики» в контексте культурной логики современного капитализма. В рамках тенденции к увеличению гибкости накопления

и важности культурной логики для потребления возникают абсолютно новые практики ремесленного производства, которые подчиняются не традиционной логике производящего капитализма, но существуют в орбите потребительских цифровых платформ. Последние выступают, подобно развитию логистических средств в XIX в., посредниками, без которых крафтовый опыт оказывается невозможным. В качестве истока запроса на аутентификацию производства и потребления прослеживается тенденция к появлению особо рода предложения, в котором кажущаяся новая материальность продаваемой вещи, товара на деле оказывается способом продажи опыта потребления товаров ранее утраченных практик до-массового производства. Крафтовый капитализм, равно как и современный капитализм, существующий под контекстуальным определением «позднего» [21], полностью соответствует критериям массовости и тиражируемости опыта потребления.

Социально-философское обращение к феномену крафтового капитализма необходимо, поскольку его анализ иллюстрирует и уточняет понимание сразу нескольких одновременно существующих тенденций в современном обществе. В первую очередь, это продолжение постмодернистской установки на культурную логику производства и потребления. Крафтовый капитализм является ее замечательным воплощением, поскольку его конкурентным преимуществом является не качество производимого товара, но особый опыт потребления, аура уникальности произведенного не фабричным способом. В этом смысле крафтовый капитализм продолжает логику капиталистической кооптации, превращая потребление «критических» продуктов в товар. Далее, крафтовый капитализм является примером того, что цифровизация экономики делает возможным интенсификацию гибкого накопления. Крафтовые товары принадлежат к числу тех товаров, которые вне цифровых медиа обречены балансировать на грани с традиционными ремесленными практиками, которые следует анализировать в более традиционном ключе. Наконец, крафтовый капитализм ставит перед социальной философией важный вопрос потенциала освободительных практик новых форм потребления. Парадоксальность крафтового капитализма состоит в том, что по меньшей мере для одной из сторон – производителя – он чаще всего является действительно *уникальным* опытом. По всей видимости, буду-

чи не до конца медиатизированным, таковым он остается и для некоторых потребителей. Подводя итог, отметим, что крафтовый капитализм представляет собой интересный пример противостоящих друг другу тенденций в современном обществе, от оценки которых со стороны потребителя будет зависеть их реальное значение в жизни современного человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.
2. Дмитриев Т.А. Осовременивая Макса Вебера: макдональдизация, новые средства потребления и современная социальная теория // Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. М.: Праксис, 2011. С. 13–38.
3. Канарш Г.Ю. Феномен позднего капитализма // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 1. С. 38–53.
4. Мортон Т. Род человеческий: солидарность с нечеловеческим сообществом // Логос. 2019. Т. 29. № 5. С. 57–70.
5. Павлов А.В. «Состояние постмодерна» Дэвида Харви // Харви Д. Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений. М.: Издательский дом ВШЭ, 2021. С. 7–40.
6. Павлов А.В. Проблема легитимации капитализма в XXI веке // Социология власти. 2021. Т. 33. № 1. С. 6–11.
7. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. М.: Праксис, 2011.
8. Сафронов Э.Е. Как акселерационизм превратился в платформенный капитализм // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 279–289.
9. Терборн Й. От марксизма к постмарксизму? М.: Издательский дом ВШЭ, 2021.
10. Федотова В.Г. Роль культуры в формировании национальных моделей капитализма // Вестник Воронежского государственного университета. 2017. № 4. С. 81–95.
11. Харви Д. Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений. М.: Издательский дом ВШЭ, 2021.
12. Daily, L., 2018. «Buy a hat, save a life». Commodity activism, fair trade and crafting economies of change. In: Luckman, S. and Thomas, N. eds., 2018. Craft economies. London: Bloomsbury, pp. 49–57.
13. Dean, J., 2019. Critique or collectivity? : communicative capitalism and the subject of politics. In: Fuchs, Ch. and Chandler, D. eds., 2019.

Digital objects, digital subjects: interdisciplinary perspectives on capitalism, labour and politics in the age of big data. London: University of Westminster Press, pp. 171–182.

14. Formas, J., 2014. Introducing capitalism: current crisis and cultural critique. Culture Unbound, Vol. 6, no. 1, pp. 15–38.
15. Fumagalli, A., 2011. Twenty theses on contemporary capitalism (cognitive biocapitalism). Journal of the Theoretical Humanities, Vol. 16, no. 3, pp. 7–17.
16. Gartman, D., 1998. Postmodernism: or, the cultural logic of post-fordism? The Sociological Quarterly, Vol. 39, no. 1, pp. 119–137.
17. Gibson, C. and Carr, C., 2018. Reframing material work and locating skill in the Anthropocene. In: Luckman, S. and Thomas, N. eds., 2018. Craft economies. London: Bloomsbury, pp. 61–69.
18. Harvey, D., 1989. The condition of postmodernity: an enquiry into the origins of cultural change. Hoboken: Wiley-Blackwell.
19. King, A. and van Zwanenberg, R.M.A., 1975. Nineteenth-century craft industries. In: King, A. and van Zwanenberg, R.M.A. eds., 1975. An economic history of Kenya and Uganda, 1800–1970. London: Palgrave Macmillan, pp. 110–122.
20. Lash, S. and Urry, J., 1987. The end of organized capitalism. Cambridge: Polity.
21. Lowrey, A., 2017. Why the phrase «late capitalism» is suddenly everywhere? URL: <https://www.theatlantic.com/business/archive/2017/05/late-capitalism/524943/>
22. Luckman, S., 2015. Craft and the creative economy. London: Palgrave Macmillan.
23. Luckman, S. and Thomas, N. eds., 2018. Craft economies. London: Bloomsbury.
24. Ritzer, G., 2015. The «new» world of prosumption: evolution, «return of the same», or revolution? Sociological Forum, Vol. 30, no. 1, pp. 1–17.

REFERENCES

1. Jameson, F., 2019. Postmodernizm, ili kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma [Postmodernism, or, the cultural logic of late capitalism]. Moskva: Izd-vo Instituta Gaidara. (in Russ.)
2. Dmitriev, T.A., 2011. Osovremenivaya Maksa Vebera: makdonal'dizatsiya, novye sredstva potrebleniya i sovremennaya sotsial'naya teoriya [Modernizing Max Weber: McDonaldization, new modes of consumption and modern social

- theory]. In: Ritzer, G., 2011. Makdonal'dizatsiya obshchestva 5. Moskva: Praksis, pp. 13–38. (in Russ.)
3. Kanarsh, G.Yu., 2020. Fenomen pozdnego kapitalizma [The phenomenon of late capitalism], *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 38–53. (in Russ.)
4. Morton, T., 2019. Rod chelovecheskii: solidarnost' s nechelovecheskim soobshchestvom [Humankind: solidarity with nonhuman people], *Logos*, Vol. 29, no. 5, pp. 57–70. (in Russ.)
5. Pavlov, A.V., 2021. «Sostoyanie postmoderna» Devida Kharvi [David Harvey's «The condition of postmodernity»]. In: Harvey, D., 2021. *Sostoyanie postmoderna. Issledovanie istokov kul'turnykh izmenenii*. Moskva: Izdatel'skii dom VShE, 2021, pp. 7–40. (in Russ.)
6. Pavlov, A.V., 2021. Problema legitimatsii kapitalizma v XXI veke [The problem of legitimizing capitalism in the XXIst century], *Sotsiologiya vlasti*, Vol. 33, no. 1, p. 6–11. (in Russ.)
7. Ritzer, G., 2011. Makdonal'dizatsiya obshchestva 5 [The McDonaldization of society 5]. Moskva: Praksis. (in Russ.)
8. Safronov, E.E., 2019. Kak akseleratsionizm prevratilsya v platformnyi kapitalizm [How accelerationism became platform capitalism], *Logos*, Vol. 29, no. 3, pp. 279–289. (in Russ.)
9. Therborn, G., 2021. Ot marksizma k postmarksizmu? [From Marxism to post-Marxism?]. Moskva: Izdatel'skii dom VShE. (in Russ.)
10. Fedotova, V.G., 2017. Rol' kul'tury v formirovanii natsional'nykh modelei kapitalizma [The role of culture in the formation of national models of capitalism], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 81–95. (in Russ.)
11. Harvey, D., 2021. *Sostoyanie postmoderna. Issledovanie istokov kul'turnykh izmenenii* [The condition of postmodernity. An enquiry into the origins of cultural change]. Moskva: Izdatel'skii dom VShE. (in Russ.)
12. Daily, L., 2018. «Buy a hat, save a life». Commodity activism, fair trade and crafting economies of change. In: Luckman, S. and Thomas, N. eds., 2018. *Craft economies*. London: Bloomsbury, pp. 49–57.
13. Dean, J., 2019. Critique or collectivity? : communicative capitalism and the subject of politics. In: Fuchs, Ch. and Chandler, D. eds., 2019. *Digital objects, digital subjects: interdisciplinary perspectives on capitalism, labour and politics in the age of big data*. London: University of Westminster Press, pp. 171–182.
14. Formas, J., 2014. Introducing capitalism: current crisis and cultural critique. *Culture Unbound*, Vol. 6, no. 1, pp. 15–38.
15. Fumagalli, A., 2011. Twenty theses on contemporary capitalism (cognitive biocapitalism). *Journal of the Theoretical Humanities*, Vol. 16, no. 3, pp. 7–17.
16. Gartman, D., 1998. Postmodernism: or, the cultural logic of post-fordism? *The Sociological Quarterly*, Vol. 39, no. 1, pp. 119–137.
17. Gibson, C. and Carr, C., 2018. Reframing material work and locating skill in the Anthropocene. In: Luckman, S. and Thomas, N. eds., 2018. *Craft economies*. London: Bloomsbury, pp. 61–69.
18. Harvey, D., 1989. *The condition of postmodernity: an enquiry into the origins of cultural change*. Hoboken: Willey-Blackwell.
19. King, A. and van Zwanenberg, R.M.A., 1975. Nineteenth-century craft industries. In: King, A. and van Zwanenberg, R.M.A. eds., 1975. *An economic history of Kenya and Uganda, 1800–1970*. London: Palgrave Macmillan, pp. 110–122.
20. Lash, S. and Urry, J., 1987. *The end of organized capitalism*. Cambridge: Polity.
21. Lowrey, A., 2017. Why the phrase «late capitalism» is suddenly everywhere? URL: <https://www.theatlantic.com/business/archive/2017/05/late-capitalism/524943/>
22. Luckman, S., 2015. *Craft and the creative economy*. London: Palgrave Macmillan.
23. Luckman, S. and Thomas, N. eds., 2018. *Craft economies*. London: Bloomsbury.
24. Ritzer, G., 2015. The «new» world of prosumption: evolution, «return of the same», or revolution? *Sociological Forum*, Vol. 30, no. 1, pp. 1–17.

